

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ Н. БЕРДЯЕВА И ИСТОКИ ЕГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

С.А. Титаренко

*кандидат философских наук, доцент, докторант программ международного обмена
Ростовского государственного университета*

У статті аналізується вплив психологічних особливостей особистості М. Бердяєва на формування його світогляду. Подано нове трактування концепту Ungrund у світогляді філософа.

Ключові слова: гностичність, екзистенційність.

Всякое творческое достижение постижимо в своей глубине лишь как дело конкретной личности, её сокровенных мыслей и чаяний. Для понимания философа прислушаемся к нему. Так, в докладе, сделанном на IX философском конгрессе, анализируя природу философского творчества, Бердяев высказал мысль, наиболее адекватно характеризующую специфику именно его творчества: „В философское познание философ всегда вкладывал полноту своей человеческой природы и своего человеческого существования” [1, 2]. Последуем этому указанию и обратимся к всматриванию в природу Бердяева. При этом особо укажем, что хотя современники и давали отрывочные описания этой темы, до настоящего времени не проведено ни одного исследования систематично освещающего её. Целью нашего исследования выступит анализ психологических истоков мировоззрения русского философа.

Бердяев унаследовал эмоциональную неуравновешенность своих предков по отцовской линии, что было чревато возможностью перерастания в патологию. Это приводило его к крайней возбудимости, невозможности контролировать свои эмоции. Поэтому он стремился избегать факторов, воздействующих на его эмоциональность, а саму жизнь организовать как борьбу со своим эмоциональным началом. О результатах этой борьбы он откровенно писал, что в нём „задавлена лирическая стихия”, а пейзаж своей души он представлял в виде „безводной пустыни со скалами”. Орудием борьбы с эмоциональной стихией выступал поиск смысла, реализуемый философией. По сути дела, Бердяев сублимировал свою бурную эмоциональность в философское творчество и там пытался её подавить. В начале его философской деятельности это проявляется как попытка перевода эмоционального в рациональное. Воспринятая в раннем юношеском увлечении немецкой классикой, прежде всего Кантом, холодность отвлечённого разума и выступила здесь сдерживающим барьером от бурных эмоциональных потоков, но какова была

сила этих эмоций, которая постоянно сметала всё на своём пути, заставляя Бердяева постоянно менять свои философские барьеры, перестраивать свою систему и, в конце концов, прийти к новым, не понятийным формам мысли.

В духовном развитии философа можно выявить следующую эволюцию. В молодости, когда его эмоциональный опыт был более ярким и насыщен, он больше подвергает своё мировоззрение идейной схематизации, к старости, когда страстность эмоции несколько ослабляется, а терминологический аппарат приобретает отшлифованный вид, его выраженное в тексте мировоззрение носит всё более эмоциональный характер. На смену схематизации как конструктивно-образному мышлению приходит артикуляция в слове. Эмоциональный мир теперь относится не к модели, а к слову. Поскольку осознание эмоции относит человека к факту его реального существования „тут и сейчас”, то именно эмоциональность является основой экзистенциальности философствования Бердяева. Его экзистенциальность есть мировоззренчески выраженная эмоциональность¹. Следовательно, экзистенциальный характер философствования, только намеченный в раннем творчестве, впоследствии занял доминирующие позиции. Именно с этим связан радикальный отказ от онтологического конструирования и переход

¹ Экзистенциальный тип философствования русского мыслителя кардинальным образом отличается от европейского типа экзистенциализма, воспринявшего многие методологические процедуры у Гуссерля. Европейский экзистенциализм, в лице Хайдеггера и Сартра, следует идее очищения познания от элементов психологизма и поэтому решительно разграничивает представление и переживание, отстраняет эмоцию, пытаясь схватить именно опыт конструкции представления о переживании в понятии. Бердяев же, следуя неоромантическому духу русской философии, растворяет представление в переживании, а, следовательно, пытается схватить в понятии непосредственно эмоциональный мир.

на позиции экзистенциального философствования, произошедший у мыслителя во второй половине его творческого пути.

Гипертрофия эмоционального приводила Бердяева к коллизиям восприимчивости. Запахи окружающего вызвали в нём отвращение, и их он стремился заглушить ароматами сильных одеколонов. Цвета и формы внешних вещей приводили к чувству несовершенства. От них он стремился уйти либо в самостоятельно организованный мир своего кабинета, к которому привык, либо на природу, обстановка которой воспринималась, не без влияния природной лирики русской литературы и идей романтизма, более живой и реальной, чем мир городского быта его повседневного существования. Даже в случае если он на миг пленялся красотой факта реального мира или наслаждением от него, пессимизм, укоренённый в борьбе с эмоцией, вызывал в нём предвосхищение мимолётности очарования, неизбежности его конца. Бердяев одержим жадной абсолютной красоты и поэтому, не может удовлетвориться никакой красотой реального мира. Мир литературного вымысла, поэзии, да и вообще любого произведения культуры воспринимался более живым и реальным, чем окружающий мир. И вместе с тем и ему отказывалось в самоценном существовании, он допустим для него лишь как средство наведения на собственные грёзы и фантазии. Так, Бердяев признаётся, что замыслы некоторых его книг рождались в опере или кинотеатре, а в чужих книгах он видел только то, что родилось в нём самом. Подлинно реальным казался ему только мир собственной фантазии. Николай Александрович постоянно пытался окружить себя миром фантазий и символов и этим миром отгородиться от мира окружающей действительности, могущей разбалансировать его эмоциональность. Этот вымышленный мир, поскольку он являлся результатом собственного творчества, был контролируемо эмоционально насыщен.

Но духовный мир Бердяева не оказался собранием пустых фантазий, вызванных борьбой с болезненной эмоциональностью. Современная физика вплотную подошла к открытию особой энергетической основы окружающих существ, но и ранее без специальных приборов, расширяющих параметры человеческого восприятия, эта основа была доступна некоторым людям. Эти люди обладали особым восприятием — мистическим видением. Недавно американские и французские нейрофизиологи экспериментально выявили пусковой механизм проявления этой способности у человека. Они изолировали подопытных от внешних раздражителей и тем самым вызвали сенсорную депривацию, т.е. прерывание потока информации идущего в головной мозг из чувств, что приво-

дило к появлению иной информации, не носящей корковый характер. Подобные опыты произвели российские учёные-нейрофизиологи, философское обобщение которым дал Е.Я. Режабек: „Вот что показали экспериментальные исследования, проведенные в лаборатории нейро и психофизиологии Санкт-Петербургского психоневрологического НИИ им. В.М. Бехтерева проф. В.Б. Слезиным и его сотрудниками. Продолжительная молитва погружает мозг человека в особое состояние сознания, названное В.Б. Слезиным „четвертым“ (наряду с состояниями бодрствующего сознания и „медленного“ и „быстрого“ сна). Это состояние профессор характеризует как „полное отключение коры“, когда в результате замедления ритма биотоков мозга до 3 Гц „прекращается активная мыслительная деятельность“. Полное исчезновение корковых ритмов особенно отчетливо наблюдалось у молодых послушников Адександро-Невской лавры, которые долгие часы проводили в непрерывной Иисусовой молитве. Когда испытуемыми становились православные и католические священники, служители Аплаха наблюдался тот же эффект. Эти опыты говорят о том, что высокая степень сосредоточенности на Потустороннем имеет терапевтический эффект. У многих людей после молитвы улучшается душевное состояние, сходят на нет симптомы тяжелейших заболеваний. Очевидно, всепоглощающая сосредоточенность сознания на Нетленном перекрывает канал связи человека с внешним миром. Отказ от всего, что наполняет сознание в мирской жизни, приводит к *разрыву* связей человека с окружающими вещами, в том числе связей *патологических*, сверхстрессовых. Отсюда терапевтический эффект. Молитвенное бдение способствует профилактике душевных заболеваний”[2, 249-250]. Можно предположить, что аналогичное происходило с Бердяевым в силу его установки на сдерживание факторов воздействия на эмоциональный мир. Таким образом, не особая сила чувств и эмоций, а именно выработанные механизмы их сдерживания приводили к раскрытию в личности Бердяева особой потенции — мистического видения.

Сам Бердяев, однако, осознавал исток этой своей способности прямо противоположным образом. В созвучии с Соловьёвым, мыслившим эту тему в духе романтизма, который считал, что мистический опыт является увеличенным по интенсивности художественным опытом, т. е. опытом переживаний, Бердяев полагал, что мистическое видение возникает в переживании и,

хотя и не исчерпывается им, но всё-таки родственно ему. Поэтому и оно подвергалось сдерживанию. Так, в юности философ испугался и отверг мистические медитации, которыми занимался его брат, да и впоследствии ряд феноменов мистического опыта, проявленных некоторыми из окружавших его людей, были отвергнуты им из-за неконтрольности и произвольности их медитативных практик. Отсутствие контроля было чревато, по мнению мыслителя, диссоциацией человеческой личности. И в этом Бердяев прав. Однако он не всегда выработывает адекватные формы этого контроля и часто переводит данные своего мистического опыта в рациональные конструкции. Здесь, как нам кажется, заложен коренной исток всех провалов и заблуждений Бердяева. Правильно описывая характер мистического опыта в силу личной сопричастности ему, Бердяев вместе с тем неверно его оценивает по аналогии с опытом переживаний, а отсюда и зачастую организует его старыми мыслительными средствами, понятиями, выработанными человечеством в обработке даже не переживаний², которым адекватно художественно-образное, эмоционально-ценностное мышление, а представлений. И хотя сам характер нового опыта выявлял ограниченность этих средств, в силу чего и сам Бердяев предлагал рассматривать понятия как символы, лишь отражающие подлинную реальность, но не выражающие её, неадекватные мыслительные конструкции искажали содержащийся в них материал мистического.

Вначале это проявлялось в требовании относить данные мистического опыта к неким духовным центрам, знание о которых обретается вне самого непосредственного опыта. Эти центры интерпретировались в духе неолейбницанских идей Тейхмюллера, Козлова и Лопатина как духовные монады или субстанции, имеющие смысловую природу. Впоследствии из обращённости в сторону христианства рождается новая версия, которая в процессе духовной эволюции постепенно вытесняет первую, а с момента отказа от онтологизма и полностью замещает её. Данные мистического опыта должны быть согласованы с некоторыми догматами, которые являются актами личного осознания опыта богообщения, достигнутого в рамках христианства. Сами догматы являются для Бердяева относительными этапами осознания, и они сменяются новыми, более углубленными догматами, приобретёнными в постоянной ориентации. Постоянство ориентации – следование некоторым установкам. Эти установки, да, да, именно установки, а не ценности или идеи: бог, дух и свобода. Установка «бог» Бердяева –

² Бердяев вслед за романтиками пытается подводить под понятие не представление, а лежащее в его основе переживание.

не Бог Библии и откровения, а устремлённость к той сущности, которая необходима росту личности, установка „дух” – не Святой Дух, а сфера роста личности, «свобода» – не свобода человеческой воли, а некое метафизическое начало, присущее человеку и выступающее источником роста потенциала личности, делающее его соравным Богу. Таким образом, базовые установки исключительно содействуют совершенствованию личности, причем то, что ведёт к этому, должно быть осознано и принято лишь самой этой личностью, поскольку ничто не может быть навязано ей извне.

Существовало одно наиболее сильное переживание, преследовавшее философа всю жизнь, в процессе подавления которого он наиболее радикально впал в гностический уклон. В детстве Бердяев пережил тяжёлое заболевание энцефалитом, которое на год приковало его к постели и оставило после себя частые кошмары во сне, сопровождавшиеся удушьем, основным содержанием которых были провалы в бездну³. Философ пытался подавить данное эмоциональное состояние, а значит, по его методике сдерживания, он должен был переводить его в понятийную конструкцию. Её он встретил у Бёме. Бердяев увидел в идее Ungrund (Безосновного) и рождающегося из него света мистическое обоснование его собственных провалов в бездну и попыток вырваться из неё. Так, собственное патологическое состояние гипостазировалось в онтологическую первосущность. Именно это объясняет то, что концептуальное рассмотрение бездны у Бёме, как и во всей немецкой мистике, отлично от выражаемого Бердяевым с 1930 года. Ungrund Бёме есть начало в самом Божестве, оно возникает вследствие рационализации им божественной сущности с целью объяснения происхождения зла. Рационализируя Божественную тайну, Бёме лишь начинает следование духу гностицизма, он не доходит в нём до конца – до признания второго, абсолютно независимого от Бога начала, которое является источником мира. Бердяев заходит значительно дальше. Его Бездна, декларативно принятая в качестве мыслительного концепта с аналогичной Бёме целью, в конце концов, не была Божественной, ведь Бердяев не мог утверждать, что и Богу присущи провалы в Бездну, ведь в этом случае Он не сможет стать спасителем, а будет лишь соратником по несчастью. Хотя на одном из этапов, в начальный период эмиграции у него намечалась такая тенденция

³ Поэтому в жизни Бердяев избегал опоры на всё мягкое, он боялся мягких кресел, диванов, кроватей.

рассмотрения, но она была преодолена. Однако поскольку его концептуализация не привела к ослаблению страданий, – его идея Бога не приводила к уходу от края Бездны, её он постулировал в качестве равноценного Богу начала, хотя и отказывал в рациональной реконструкции данного дуализма, полагая, что он замиряется в апофатическом монизме. Возведённая в ранг рядоположенности с Богом в обработке опыта мистической медитации, она породила дьявольский соблазн человеческой гордыни и своеволия. Именно начало Бездны, заключённое в человеке, дистанцировало его от Бога, заставляя выявлять его свою инаковость. Именно оно обосновывало мотив зависимости Бога от человека, а следовательно, и его несовершенства, поскольку-то Бог этого начала не имеет и нуждается в помощи человека для приобщения к нему. Оно являлось нетварной составляющей человека. Это в комплексе привело Бердяева к идее перехода творческой роли от Бога к человеку и, тем самым, к будущему фактическому неравенству их. Здесь, по сути дела, Бердяев заходит куда дальше гностицизма. Ведь вторым самостоятельным началом оказывается не Иалдаваоф, незаконнорождённый сын дочери Бога, прототип Дьявола, а человек. И конечной целью человека тут является не устранение власти этого начала в следовании Богу, а, наоборот, раскрытие и реализация его самостоятельной сущности, в чём можно усмотреть мотивы, созвучные гордыне первого ангела. В целом же, Бердяева можно представить как такую личность, которая резко ощутила трагизм своего существования, но не смогла благостно принять вытекающих из него страданий и пыталась всячески отгородиться от них путём создания рациональных конструкций, что приводило к дьявольским соблазнам.

Бердяев не видит необходимости стяжания Божьей благодати. Это заблуждение базировалось у него на гордыне личной богоизбранности. Считая, что божественное наитие посещает его само по себе в силу уникальности его природы, поэтому без всяких усилий с её стороны, он в силу неподготовленности своей природы зачастую терял возможность различения духов, иногда воспринимая низ за верх. Обладание этой гордыней характерно для большинства гностиков, полагавших, что в силу высшей качества своей природы они способны до-

стичь высших результатов своей жизни без всяких предварительных усилий.

Нельзя не отметить, что мистико-религиозная позиция Бердяева выражает некую подсознательную структуру, имеющую наиндивидуальный характер. Юнг полагал, что в психике народов присутствуют некоторые архетипы, структурирующие её деятельность. Сделаем сходное предположение. В психике аристократического сословия также сложился некий архетип, определяющий её проявления. Архетип рыцаря – образ полновластного первородного владыки своей территории, расположенной вокруг замка. Рыцарь признаёт внешний приоритет короля, участвуя с другими рыцарями в общих войнах против его врагов и отдавая ему почести личного уважения, однако не признаёт его прав на непосредственное управление своей территорией. Мистико-религиозная ориентация Бердяева, имевшего аристократическую родословную из двух миров – Запада и Востока, выражает созвучный архетип. Признавая приоритет Божественной реальности и объединяясь под этими знамёнами для борьбы с противостоящими Ей реалиями, Бердяев всё же требует свободной самостоятельности собственной духовной территории, допуская лишь внешне укрепляющую помощь, исходя из подтверждения первородства своих духовных прав.

Оценивая в целом роль природной составляющей в формировании основ мировоззрения философа и его религиозно-философской позиции, необходимо отметить, что именно большая эмоциональность, врачующая с помощью традиционного гуманистического снадобья – человеческого разума и поэтому не смиренная аскетизмом христианских практик, приводила, с одной стороны, к радикальному гностическому мироотрицанию, и с другой – к ложному богоискательству и богостроительству. Однако именно мистические видения, зачастую стихийно, поскольку самовластно, иногда без направляющего начала истинной религии как единственного условия подлинной инициации, наводили мыслителя на важные для христианства мысли и откровения. В результате, наследие Бердяева имеет особую значимость для диалектики православной мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бердяев Н.А.* Философ и существование: Доклад, прочитанный на 1X международном конгрессе в Сорбонне. – Париж, 1937. – (Машинописная копия). – РГАЛИ, фонд 1496 оп., 1 ед., хр. 98.
2. *Режабек Е. Я.* Мифомышление (когнитивный анализ). – М.: Логос, 2003. – 304 с.

Статья надійшла до редакції 20.06.2006 р.

